

© 2001 г.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ИМИДЖ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

("Круглый стол")

В марте 2001 г. Отделение социологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) провело теоретико-методологическую конференцию по проблемам интеллигенции, в рамках которой состоялось заседание "круглого стола" на указанную в заголовке тему. Вел заседание член-корреспондент РАН Тощенко Ж.Т.

Ж.Т. Тощенко: Работа по социологическому изучению гуманитарной интеллигенции становится перспективным направлением научной деятельности коллектива ученых-преподавателей Отделения социологии РГГУ: проведена вторая конференция, посвященная этой теме. Год назад мы уделяли основное внимание проблемам *ценностной и социальной идентичности* данной социальной группы. "Круглый стол" является следующим шагом в анализе гуманитарной интеллигенции, который делается в социологии с привлечением компетентного и широкого круга отечественных и зарубежных исследователей. Теперь ставится задача рассмотреть гуманитарную интеллигенцию в другом ракурсе - осуществить переход к изучению ее "внешнего вида", формы, образа и соотношения данной формы с другими социальными формами, характера включения данного образа в общую социальную панораму. При этом придется обращаться к кругу проблем, связанных с *имиджем и социальным статусом* гуманитарной интеллигенции. В этой связи хотел бы отметить особый интерес к университетской среде, в которой воспроизводится гуманитарная интеллигенция, и к анализу изменений образовательных практик как результату и источнику социальных трансформаций.

В анализе гуманитарной интеллигенции у специалистов выстраивается система научных контактов с коллегами в России и за рубежом, о чем свидетельствует участие в нашем заседании ученых из Польши и Белоруссии.

Приглашая к дискуссии, замечу, что каждый раз при коллективном анализе того или иного аспекта сложной социальной проблемы трудно удерживать исследование в рамках заданного сегмента. Постараемся в обсуждении сосредоточиться на тех вопросах, о которых сказано выше.

О.Н. Козлова (проф. РГГУ): Изучение проблем имиджа и социального статуса гуманитарной интеллигенции, принципов их взаимоопределения превращается во все более актуальную задачу. Сегодня очевидно усиление роли социокультурного воспроизводства в направлении *визуализации* и *уплотнения коммуникаций*. Социальный субъект — индивид или группа —, который пытается оставаться "вещью в себе", не работает над укреплением "связей с общественностью", все труднее воспринимается, определяется и едва ли не утрачивает себя. С другой стороны, слишком назойливая самореклама способна создать ту негативную окрашенную известность социальному субъекту, против которой он сам, если не лишен чувства достоинства, будет возражать. И, пожалуй, именно на примере интеллигенции мы можем видеть, что не только индивид, но и группа способна быть носителем такого чувства, проявлять его.

Противоречивость коммуникативного пространства, требующая от социального субъекта саморекламы и одновременно "наказывающая" его за нее, особенно видна на примере Интернета. Уже сегодня все большее влияние на общественное сознание оказывает лозунг: "Если тебя нет в Интернете - тебя нет". Не менее настойчиво на общественное мнение воздействует тезис: "Интернет - большая помойка". В обществе усугубляется поляризация между теми, в ком жажда быть позволяет преодолеть отвращение к "помойке", и теми, у кого, наоборот, отвращение сильнее жажды.

Таким образом, анализ "внешнего вида", формы, образа гуманитарной интеллигенции и со-отношения данной формы с другими социальными формами, характера включения данного образа в общую социальную панораму превращается сегодня из проблемы "косметической" в проблему онтологическую.

Социальный статус субъекта может быть определен как его интегральное положение в стратификационной структуре общества. При этом предполагается, что в общественном мнении, сознании реализуется сложная процедура интеграции представлений о том положении субъекта (высоком, среднем или низком), которое он занимает по каждому из основных измерений стратификационной структуры - власть, богатство, престиж профессии, образование, нравственность. Так, по отношению к гуманитарной интеллигенции подобная процедура условного взвешивания социального статуса может выглядеть, в первом приближении, следующим образом. Бесспорно низкий статус по измерению "богатство" дополняется у данной социальной группы низко-средним статусом по измерению "власть", средним - по измерению "престиж профессии", высоким - по измерению "образование" и средне-высоким по измерению "нравственность". В интеграционном итоге положение гуманитарной интеллигенции в стратификационной структуре общества - *среднее*.

Гуманитарная интеллигенция - "думающий и чувствующий аппарат нации" (П.Н. Милуков) - призвана стратегически служить эталоном нравственности. И одновременно в определенной мере тактически она *отозвана* от этого "рыночным" и пост-модернистским настоящим. Такая противоречивость времен - настоящего и будущего - в современной социокультурной ситуации является закономерной. Она рассмотрена П.А. Сорокиным и определена им как "закон поляризации". Вероятно, именно гуманитарная интеллигенция и призвана быть этим "позитивно поляризованным сегментом популяции". Поэтому среднее положение не соответствует той авангардной роли, которую гуманитарная интеллигенция призвана сыграть в социокультурном процессе в XXI веке. Получается, данная социальная группа находится в *неправильной позиции*, не рентабельной для всего общества.

Имидж социального субъекта, на мой взгляд, следует рассматривать как его сознательно вырабатываемый образ актуальной самоподачи, используемый (более или

менее активно) в "общественных связях" (связях с общественностью), в так называемом "пиаре" (public relations). Субъект "приготавливает" себя (сам или с помощью имиджмейкеров) к "подаче" под тем или иным "соусом" - в зависимости от тех или иных обстоятельств. Одной из важнейших задач работы социального субъекта над имиджем является влияние с его помощью на изменение (рост) социального статуса. Вероятно, гуманитарная интеллигенция обо всем этом не может не догадываться в своем "коллективном бессознательном". Отсюда ее пассивность в деле оформления собственного имиджа. Нельзя, однако, сказать, что она вовсе изолируется от проблем имиджа.

Задача гуманитарной интеллигенции - снять мнимости, разбудить общество как от "снов золотых", так и от снов апокалиптических и продемонстрировать онтологически подлинную реальность как очевидную.

Ж.Т. Тощенко: Однако, как же социологам быть в этой ситуации - участвовать в цепочке "побудок" (кто кого разбудит) или заниматься научным анализом?

В.Ф. Левичева (проф. РГГУ): Социологам целесообразно рассматривать гуманитарную интеллигенцию как социальную корпорацию. Общеизвестно, что групповая идентичность любой социальной общности при всей ее сложности и полиструктурности имеет два общих уровня измерения: объективный и субъективный. Первый из них связан прежде всего с объективными процессами укрепления или, напротив, размытия и ослабления социально-статусных позиций в системе общественных взаимодействий и стратификационной структуре общества в целом. Именно в этом плане развернуты сегодня многочисленные дискуссии о негативных последствиях экономических реформ начала 90-х годов, об "утечке мозгов" за рубеж, деградации кадрового потенциала российской науки, образования и культуры и т.п. Действительно, долготельные - сегодня уже, по сути, поколенческие — разрушения в системе социально-экономических механизмов воспроизводства статусных позиций "интеллектуальных" профессий привели к тому, что многие их представители (врачи, учителя, инженеры и др.) оказались в современном российском обществе вытесненными за пределы "среднего слоя", а то и за черту бедности. Об этом свидетельствуют такие объективные стратификационные показатели, как доход, имущественное положение, собственность, властные и управленческие ресурсы и пр.

Казалось бы, нарастающее снижение объективных статусных позиций должно сопровождаться соответствующими субъективно-рефлексивными процессами: разрушением групповых солидарностей, ориентированных на стабильное ("среднее", "выше среднего" и "элитное") положение в обществе, отказом от так называемой "исторической миссии" интеллигенции - быть экспертом принимаемых общенациональных решений, служить источником, социальным носителем и транслятором эталонных ценностных ориентиров, социальных норм и стандартов, вырабатывать нормативные стилевые характеристики гражданской жизни и пр. Однако подобной рационально логической последовательности и взаимозависимости объективных и субъективных оснований идентичности явно не наблюдается. Более того, расхождения в оценках суммарной численности "среднего слоя" российского общества, предлагаемых специалистами-экономистами и социологами, компетентность которых не вызывает сомнений, разительны. Их диапазон колеблется от 1/3 до 1/10 населения страны.

По данным опросов, проведенных отделением социологии РГГУ в 1998, 1999, 2000 годах, 80% студентов и 60% преподавателей университета относят себя и свою семью к среднему слою, при том, что 80% преподавателей приходится подрабатывать, чтобы обеспечить хоть какое-то сносное существование своей семьи. Средний уровень зарплаты преподавателей высшей школы России сегодня едва достигает прожиточного минимума. Субъективная оценка по *самопричислению* к статусной группе оказывается намного стабильнее, чем то, что должно было бы получаться в соответствии с объективными индикаторами. Так что же тогда измеряется? Думается, что понимание процесса социального конструирования идентичности интеллигенции поможет ответить на этот вопрос. Ведь по сути дела некий субъективный феномен - социокультурная

идентичность, выстроенный из таких "эфемерных" и внерациональных элементов, как ценности, эмоциональные переживания, смыслы и символы, жизненные ориентации, ментальные стереотипы и пр. - в горниле экономических реформ оказался достаточно тугоплавким материалом, способным упорно сопротивляться попыткам внедрения новых механизмов распределенного неравенства в обществе. Вместе с тем нет никаких оснований отрицать кризисный характер социальной идентичности современной российской интеллигенции.

С 90-х годов нарастает процесс кристаллизации внутренних корпоративных интересов гуманитарной интеллигенции. Совокупное действие объективных факторов статусной стратификации создает достаточно выровненное унифицированное позиционное поле деятельности современной интеллигенции, сохраняющее внутренние и внешние границы перемещений по сути сословного или корпоративного характера. Ядром социальной идентичности выступает профессиональная принадлежность, которая в университетской и научной среде по существу является ценностной доминантой. Среди других значимых характеристик, как бы "возвышающих" социальные позиции интеллигенции, можно отметить: образование, общие нормативно-ценностные установки, стиль жизни и коммуникаций, особенности социализации и моделей поведения и др. Социальная идентичность гуманитарной интеллигенции и, в частности, ее насыщенность референтами, относящимися к интеллектуальной элите, верхним и средним слоям общества, во многом поддерживается ее *ресурсными возможностями*. Такие типы ресурсов ("капиталов", по Бурдые), как образование, владение универсальными символическими средствами коммуникаций, способность к воспроизводству и культивированию ценностных стандартов и культурных норм, не только обеспечивают отмеченную относительную гомогенность и устойчивость социальной идентичности, но и детерминируют возникновение системы новых внутрикорпоративных солидарностей.

Н.Н. Козлова (проф. РГГУ): Сегодня обсуждение позиции интеллектуала может быть представлено в качестве *методологической проблемы*. Постклассические методологии привели к изменению представлений о том, что такое общество и история, наука и научное исследование. Выбор теоретического языка требует от исследователя-интеллектуала рефлексивного определения собственной позиции как методологической, так и социальной. Это настоятельная необходимость, которая определяет исследовательские стратегии.

Например, исследователь вполне спонтанно занимает позицию "сверхрассказчика", идентичного трансцендентальному субъекту. Он легко впадает в соблазн выступить в роли всезнающего рассказчика, зрителя, наблюдающего за происходящим на сцене "из царской ложи". Взгляд ученого - всегда взгляд сверху. Сказать, что мир есть объект, значит возвести в абсолюте познавательную ситуацию ученого - как будто все, что было и есть, всегда существовало только для того, чтобы попасть в лабораторию (М. Мерло-Понти). Опасность несут и попытки установления взаимосвязи полученных моделей человеческого поведения только с аналитическими операциями самих исследователей. Когда человек рассматривается только с "объективных позиций", получается, что он движим только силами, *внешними* по отношению к нему. Как известно, П. Бурдые придал этому высказыванию социологический смысл, заметив, что *взгляд философа или ученого в значительной степени обусловлен привилегированной социальной позицией интеллектуала*.

Выбор исследователем языковых средств свидетельствует, из какой теоретической картины мира он исходит, как понимает социальное действие и самого человека. За каждой попыткой эмпирического исследования - философские скелеты в шкафу.

Рефлексия позиции исследователя, обозначение места, из которого говоришь, - требование современных методологий социального и гуманитарного знания. Без культивирования этих методологий в практическом социоанализе понять и объяснить социально-исторические процессы дней нынешних и дней прошедших представляется невозможным. Новые тенденции прослеживаются в литературе по методологии со-

циально-исторического познания. Об этом свидетельствует, в частности, смена языковых репертуаров.

Одновременно выбор эмпирического материала всегда говорит о *типе зрения* (*видения*) исследователя. К сожалению, порой обращение к новому эмпирическому материалу отнюдь не свидетельствует о новом взгляде. Старый научный язык часто препятствует адекватной интерпретации нового материала. Разница в подходах была прослежена на примере социологического чтения человеческих документов советской эпохи.

Ж.Т. Тощенко: И тем не менее, что же мы определим как статус и имидж интеллигенции?

О.И. Карпухин (д.ф.н., профессор): Нецелесообразно стремиться к выработке общего определения для столь сложного явления, как имидж интеллигенции. Стоит рассмотреть не ее имидж, а *имиджи*.

Интеллигенция, прежде всего гуманитарная, - создатель и хранитель высших духовных ценностей общества. Внутри интеллигенции большая дифференциация по роду, характеру, массовости деятельности. А уж если взять такую ее часть, как гуманитарная, то дифференциация будет еще более основательна. По характеру труда, по социальной роли и отношениям с непосредственным окружением учитель и научный работник, журналист и писатель, актер и деятель массовой культуры различаются гораздо больше, чем представители инженерно-технической интеллигенции. И эти различия сильнее отражаются в их сознании, чем принадлежность к многочисленному слою людей сложного умственного труда.

Имидж - это образ предмета, явления, события, организации, социальной группы, впечатление об этих объектах, рожденное на эмоционально-психологическом уровне. Имидж неразрывно связан с мифом, он производное от мифа, пропущенное через сознание и чувство человека. По сути массовый человек оперирует не мифами-идеями, понятиями, историями, символами в "чистом виде", а впечатлениями от мифов - мифоимиджами. В сознании и настроении людей выстраивается иерархия мифоимиджей. Имидж - это еще и искусство управлять впечатлением. А управляют, как правило, средства массовой информации - т.е. публицисты, писатели, художники, специалисты-имиджмейкеры, деятели массовой культуры. Все они - представители гуманитарной интеллигенции, своей деятельностью создающие и свой собственный имидж.

Имидж вообще понятие многофакторное, он складывается из совокупности имиджей: зеркального, текущего, желаемого и корпоративного.

Зеркальный имидж - это представление гуманитарной интеллигенции о себе, ее саморефлексия, зачастую завышенная самооценка, выраженная в стремлении к воплощению того образа, который ей навязывает общественное мнение, формируемое зачастую самой же интеллигенцией. *Корпоративный имидж* гуманитарной интеллигенции - существующий в реальности имидж, складывающийся из реальностей ее бытия, реальных действий, поступков, заявлений, отражаемых средствами массовой информации, исследуемых социологами. И, конечно, корпоративный имидж различных отрядов гуманитарной интеллигенции весьма значительно различается.

Учительско-преподавательская интеллигенция — самая многочисленная часть гуманитарной интеллигенции, труд которой имеет творческий характер и в то же время жестко регламентирован. Ее доходы, уровень жизни тесно увязаны с государственным бюджетом, она испытывает на себе колебания государственных выплат. Сопоставление зеркального и корпоративного имиджей выявляет существенное противоречие между элементами статуса учителей школ и преподавателей вузов. Это противоречие резко проявляется в несоответствии престижа, дохода и уровня образования. Характерная для социального положения преподавателей высшей школы России 90-х годов черта - несоответствие различных элементов статуса, прежде всего, таких, как доход, престиж и уровень образования (при высоком образовательном уровне снижение престижа и дохода), - справедливо отмечает Л. Бондаренко. Рассогласованность статусных показателей способствует возникновению чувства неудовлетворенности у преподавателей своим положением в социальном пространстве.

Э.Ф. Макаревич: Наибольшим раздражителем общественного мнения и социального самочувствия интеллигенции, толкающим к переоценке нравственных ценностей, является *текущий имидж* - взгляд на гуманитарную интеллигенцию общественности и исследователей. Оставляя за интеллигенцией право на независимость, на создание и сохранение высших духовных ценностей, взгляд со стороны выявляет определенные социально-психологические черты, порожденные ее характером труда и образом жизни. Это, прежде всего, ее отзывчивость на события и идеи и ее индивидуализм.

Служение идеалу, жертвенность, готовность идти на подвиг или даже на преступление ради идеи предполагают рассмотрение имиджа русской интеллигенции в контексте ее нравственно-этических, идеологических исканий. В этом смысле, по точному замечанию Г.П. Федотова, "интеллигенция — категория не профессиональная, а идейная". Русская интеллигенция, полагал он, всегда служила идеалу, включающему и личную этику, и общественное поведение, - идеалу, практически заменяющему религию.

Среди гуманитарной интеллигенции наиболее заметна благодаря активности та ее часть, которая говорит от имени всей интеллигенции, а то и всего народа, и говорит в основном в средствах массовой информации. По сути эта интеллигенция слилась с властью, стала частью аппарата, обслуживающего власть, ее отделяет от народа, от настоящей интеллигенции глубокая пропасть. Но в силу своего проникновения в СМИ, своих навязчивых, крикливых выступлений, нетерпимых к чужому мнению и далеко не бесспорных, она формирует текущий имидж гуманитарной интеллигенции в глазах общественности. Сошлемся на вывод В. Третьякова в "Независимой газете": эта интеллигенция остается последовательной в трех вещах. Во-первых, в постоянных требованиях денег у власти, во-вторых, в постоянном недовольстве народом (при царе, при большевиках, при демократах), в-третьих, в преклонении перед богатством, роскошью, большими деньгами.

В.А. Луков (проф. МГСА): Воспроизводство интеллигенции — процесс, в современной России не имеющий ясно очерченных границ и характеристик. Прежде всего, эту неясность порождает смена социальной структуры, которая существенно обновляется (о чем можно судить, применяя веберовскую стратификационную триаду "богатство-престиж—власть").

Немаловажно и то, что функциональное назначение интеллигенции изменяется как в российском, так и в глобальном мировом контексте. Умственный труд, интеллектуальное и художественное творчество перестают быть уделом группы людей с определенной образовательной подготовкой, основанной на специальном знании и идентификации с определенными культурными образцами. Наконец, существенно, что в новых поколениях россиян, жизненные ориентиры которых формируются после 1991 г., ценности, присущие интеллигенции, и образ жизни интеллигентов не обладают столь большой привлекательностью, как раньше, а жизненный успех понимается в формах, нередко далеких от установок тех, кто сохраняет идентичность с интеллигенцией.

Студенческие годы обычно совпадают с активной фазой конструирования личностью своего будущего. Но формирование жизненных планов студента не является произвольным и независимым. С началом экономических реформ в России (1991-1992 гг.) возникла катастрофическая ситуация в системе высшего образования. Кроме оттока финансов из образовательной сферы, огромное значение имело изменение мотиваций молодежи в сфере труда. Образование как источник жизненного успеха на время потеряло свою стимулирующую роль. Высокий образовательный статус стал мешать быстрому обогащению в смутный период смены общественного строя и распада СССР. Вследствие этого в системе ценностей молодежи ранг ценности образования снизился. Одновременно с этим значительно уменьшились возможности для получения высшего образования. Сам факт поступления в вуз оказался в прямой зависимости от благосостояния семьи.

С середины 90-х годов ситуация в высшем образовании стала меняться, и к концу десятилетия в России на 10 тыс. населения приходилось 246 студентов вузов. Это высший показатель за все годы существования и СССР, и суверенной России. Сегодня студенты составляют примерно десятую часть молодых россиян. Новым стало утверждение в студенческой среде прагматического подхода к образованию, рассмотрение образования как средства получения максимальных материальных благ и удовольствий. Воспроизводство социальной структуры не предопределено только мотивацией тех или иных выборов молодого поколения, связанных с жизненными планами. Объективная сторона здесь в том, что многие социальные группы воспроизводятся как бы по инерции даже тогда, когда они теряют свои социальные функции. Очевидно, что интеллигенция сохраняет свои позиции в российском обществе, меняя отдельные характеристики. Однако нельзя не видеть, что в молодежной среде субъективное стремление к воспроизводству интеллигенции существенно уменьшилось в последнее десятилетие. Это может иметь определенное значение для воспроизводственного процесса и в ближайшее время будет влиять на структурно-функциональную трансформацию интеллигенции, а в перспективе — и на ценностно-нормативные перемены в этой социальной группе.

Т.В. Стародубцева (асп. РГГУ): Остановлюсь на проблемах социального статуса и имиджа молодого поколения российской художественной интеллигенции. В условиях формирования нового социокультурного пространства, получения возможности свободы самореализации, с одной стороны, и утраты различных форм социальной поддержки - с другой, особо остро встает вопрос выбора жизненной стратегии художественной интеллигенции. Поиск решения исходит из очевидного противоречия между социальной депривацией этой интеллигенции и авангардным положением, которое она занимает в культуре, в воспитании будущих поколений, в социальном развитии в целом. Существует также противоречие между желанием молодой художественной интеллигенции реализовывать свои творческие проекты, инновации, соответствовать задачам своего времени и отсутствием социальных условий для их успешного осуществления.

В конце XX в. среда деятельности интеллигенции кардинально изменилась. Это связано с совокупностью изменившихся социокультурных, экономических, политических и других условий в современной России. Сложно, едва ли возможно говорить об однозначной утрате прежних позиций, занимаемых художественной интеллигенцией в обществе, снижении престижа ее труда. Скорее надо иметь в виду некую трансформацию, переход в другое качественное состояние, уже сегодня проявляющееся в социальном статусе и имидже этой интеллигенции.

Вероятно, сохранение до некоторой степени высокого престижа происходит из-за принадлежности части этой группы к современному высшему классу, к заметным представителям художественной и медиа-элиты. Особый стиль жизни, отсутствие регулярно получаемой заработной платы также являются характерными признаками художественной интеллигенции. Доходы ее в первую очередь зависят от популярности плодов творчества, а во вторую - от потребностей общества, рынка, политики в сфере услуг. Еще сложнее определить или охарактеризовать репутацию этой специфической социальной группы, ее имидж. В силу внутренней разнородности, противоречивости, а подчас несовместимости взглядов и позиций, дифференциации по роду, характеру деятельности имидж художественной интеллигенции нельзя вписать в четко очерченные рамки. Бытующий в массовом сознании образ художественной интеллигенции можно описать следующим образом. У людей, принадлежащих к этой особой категории, наиболее ярко выражена степень достижения успеха в своей профессиональной деятельности: они делятся на "неудачников", "бездарностей", "статистов" - по одну сторону, и "галантов", "супер-звезд", "людей с мировым именем" - по другую. Мнение последних вызывает интерес и пересуды обществу, привлекает внимание, служит оценочной нормой даже в тех сферах деятельности, в которых они не являются экспертами.

Попытки ответить на вопрос - какой элемент или деталь образа постоянно присутствует во всех разносторонних проявлениях имиджа интеллигенции, что делает художественную интеллигенцию узнаваемой, что есть ее "фирменная вывеска" — приводят к следующему. Вероятно, этот своеобразный логотип должен включать *культуру* как основную сферу деятельности, как некое "пространство жизнедеятельности", знак принадлежности к интеллигенции. Стилевым оформлением логотипа будут выступать наши визуальные ассоциации: некая эпатажность в одежде и поведении. Эпатажность присутствует не только в зрительном образе, она и в мыслях, и в суждениях, и в оценках. Все это как бы "оформляет" ведущий элемент — профессионализм.

И.Л. Коган (зав. научно-исследовательским отделом Белорусского государственного университета культуры, кандидат культурологии): Традиционно относимые к гуманитарной сфере люди науки, искусства и литературы (культуры в целом, в старом смысле этого слова) во все времена считались, с одной стороны, элитой общества, а с другой - иждивенцами, "проедающими богатство народа". По крайней мере, к подобной оценке склонялись власти и народ тогда, когда интересы интеллигенции направлялись на объекты не актуального характера. Платон дважды был отвергнут одним из правителей со своим проектом идеального государства именно по этой причине. Есть и более близкий по времени пример: А.Д. Сахаров в качестве создателя водородной бомбы был не только востребован властью, но и обладал очень высоким социальным статусом. Но стоило ему начать бороться с политикой, проводимой властью, как он превратился в изгоя и диссидента. Здесь мы сталкиваемся с проблемой конфликтов интересов, определяемых потребностями различных социальных слоев.

Следует констатировать наличие некой структуры общественных интересов. В зависимости от иерархической высоты определенного интереса, поддерживаемого той или иной социальной группой, будет колебаться и социальный статус, которым наделяется представитель данной группы. Представляется, можно разделить все общественные потребности на две главные сферы - жизнеобеспечения и культуросоциализации. К первой сфере интересов относятся все виды деятельности и их результаты, связанные с обеспечением жизненных потребностей, другими словами, - с материальной культурой. Это и область производства, и финансы, и экономика, и технологическая база, и военная промышленность, а также множество других. Во вторую сферу попадают интересы общества, относимые к его духовным и, шире, к культурно-творческим потребностям, которые реализуются в тех видах деятельности, которыми занята интеллигенция. Здесь следует упомянуть и служителей культа, религиозных деятелей, так как именно они проводят идеи, в большинстве своем определяющие направление движения остальных участников духовно-культурного и, следовательно, гуманитарного процесса.

Решающую роль в производстве единого социокультурного образца играет определенный набор этнокультурных черт. Каждый член общества использует данный образец для построения "образа-Я", т.е. для самоидентификации, для оформления своего самосознания, что не просто важно, но жизненно необходимо. Только благодаря производству этнокультурного образца и самоидентификации с ним каждого члена общества становится возможным социальный и культурный процесс вообще. Процессы этнокультурной идентификации, создающие условия этносоциальной сплоченности, обеспечиваются не сами по себе, а деятельностью конкретных социальных групп, и в первую очередь гуманитарной интеллигенцией.

Гуманитарная интеллигенция реализует, во-первых, роль хранителя и создателя этнокультурных достижений, к которым можно отнести все культурные ценности (от материальных до духовных). Во-вторых, благодаря ее деятельности обеспечивается процесс трансляции этнокультурного опыта. Не только творцы культуры, но и педагоги, владеющие механизмами передачи традиционного опыта, создают этнокультурную и этносоциальную целостность общества средствами межпоколенческой и внутрикультурной коммуникации. Следовательно, именно гуманитарная интеллигенция на-

капливает, хранит и транслирует идеи общенационального уровня, которые позволяют в социально и культурно приемлемых формах поддерживать процессы жизнеобеспечения.

Ставя вопрос о социальном статусе гуманитарной интеллигенции, мы выясняем не истинное ее значение в социокультурном движении, а то, как она воспринимается обществом, или, точнее, массовым сознанием, в настоящий момент. Когда же речь идет о ее имидже, необходимо включать в поле анализа не только восприятие гуманитарной интеллигенции социальным окружением, но и ее собственное представление о самой себе.

М.Б. Буланова (доцент РГГУ): Остановлюсь на проблеме трех сфер воспроизводства профессионального сообщества социологов как самостоятельной группы интеллигенции.

В сфере науки речь идет о научных школах, занимающихся сложными вопросами создания новой системы социологического знания, включающей обновленный исторический, идеологический и экзистенциальный контекст его построения. *Исторический контекст* предполагает осмысление реальности постсоветского пространства, разработку новой методологии получения конструктивного опережающего социологического знания, а также конкретный социологический инструментарий изучения неоднозначных социальных процессов. *Идеологический контекст* - это разработка нового социального идеала, свободного от социальной мифологии, основанного на сотрудничестве, партнерстве, солидарности и доверии людей, признающих ценность сохранения человеческой жизни и целостности общества. *Экзистенциальный контекст* имеет в виду выработку новой культуры мышления социологов, сочетающей признание плюрализма социологического знания с умением исследователя выбрать оптимальную парадигму для анализа конкретного социального явления. Обновленное социологическое знание возникает как область междисциплинарных социальных исследований и может быть результатом прихода в науку людей, получивших обновленное специальное социологическое образование.

В сфере образования (прежде всего, в высшей школе), одна часть профессионального сообщества социологов занята актуальной задачей включения социологии как предмета преподавания в учебные планы подготовки специалистов различного профиля. Это позволяет превратить социологическое образование в непосредственную составную часть их профессиональной квалификации, раскрыть активную общественно-полезную сторону гуманитарного образования в современных условиях. Кроме того, социология дает будущему специалисту достаточно точное представление о социальных рамках и конкретных условиях избранной профессиональной роли, что облегчает неизбежный адаптационный период по окончании вуза. Другая часть того же сообщества социологов занята собственно вопросами подготовки специалистов-социологов. У этой группы интеллигенции много проблем, во-первых, связанных с совершенствованием подготовки специалистов-социологов в плане изучения соотношения государственных стандартов со спецификой вузов, а также соотношения теоретических знаний и прикладных навыков, необходимых для успешного трудоустройства выпускников. Во-вторых - с разработкой современной модели специалиста-социолога, учитывающей потребности российского рынка труда.

В сфере профессиональной деятельности наблюдается востребованность специалистов-социологов в современных аналитических центрах государственных и негосударственных предприятий и учреждений. Но эта тенденция причудливо сочетается с недостаточной востребованностью социологов в отдельных отраслях производства, например, в таких, как медицина и здравоохранение. А ведь на Западе именно они обеспечивают большую занятость социологов-профессионалов, труд которых высоко ценится.

В исследовании процесса воспроизводства профессионального сообщества социологов интересны попытки поиска "идеального типа" социолога, предпринятые Питером

Л. Бергером. К сожалению, подобный тип моделирования недостаточно представлен в отечественной научной литературе. Вместе с тем, изучение и публичное обсуждение модели российского социолога, как представляется, могло бы пробудить интерес молодежи к этой перспективной гуманитарной специальности.

Б. Гэбски (Институт социологии Щецинского университета, Польша): Лишь в культурном пространстве Центральной и Восточной Европы сформировался такой социальный слой, как интеллигенция.

Исходным пунктом дискуссии об интеллигенции, с точки зрения социологии, может стать работа Е. Халасиньского "Генеалогия польской интеллигенции". В ней автор описывает исторические условия зарождения данного социального слоя. Согласно мнению ученого, польская интеллигенция берет начало от обедневшей грамотной шляхты. Умение читать и писать пригодились ей для ведения "гроссбухов" в период развития промышленности. Возникновение новой профессии привело в XIX в. к образованию нового социального слоя. Мы считаем, что благодаря социологическим аналогиям роль интеллигенции в современном обществе определяется как умение решать новые проблемы в новых социальных условиях. Речь идет об определенной категории людей (интеллигенции), которые в состоянии ответить на специфический вызов динамично развивающейся цивилизации. Существенна при анализе данного явления и тенденция концентрации интеллектуалов в различного рода институтах. В октябре 1999 г. Ягеллонский университет (г. Краков) организовал польско-российский семинар на тему: "Интеллигенция. Традиции и новое время". Среди множества докладов можно выделить те, в которых делается упор на роли интеллигенции в обществе как факторе нестабильности. Так, А. Липатов (Институт славяноведения и балканистики, Москва) назвал свое выступление "Интеллигенция и власть. От самостоятельности до самоуничтожения", а Р. Легутко - «О так называемом "конце интеллигенции"». Как своего рода продолжение поиска ответа на вопрос о роли интеллигенции в современном обществе можно рассматривать и дискуссию на семинаре, который состоялся в декабре 2000 г. в НИЦ при Московской гуманитарной социальной академии (МГСА). Тщательная социологическая разработка данной проблематики осуществляется на конференциях, проводимых в РГГУ.

Научный анализ опирается и на другие формы культурной активности, в частности, на художественное слово. Следы диалога между научным трудом и крупным художественным произведением обнаруживаются при сравнении "Мужиков" Реймонта и "Польского крестьянина в Европе и Америке" Томаса и Знанецкого. В США не одно десятилетие существовал стереотип недомытого, бедного поляка, вора и проститутки. Созданию этого образа в большой мере способствовал том V труда Томаса и Знанецкого, в котором шла речь о непотребном поведении чикагских поляков. Интеллигенция всегда оказывала воздействие на общество при помощи печатного слова. Современные медиа активно используют образ, обогащенный звуком. Коллективное представление формируется на базе противоречивого содержания. Сегодня отсутствие великих интеллектуалов-гуманитариев, выполняющих четко определенную миссию, приводит к бегству в сферу потребления. Культура отстывает под натиском цивилизации, а процессы демократизации приводят к развитию потребительства.

Высокая потребность в гуманитарно-социальном обучении сегодня в развитых странах, вероятно, может рассматриваться как сигнал, что появилась потребность в расширении гуманитарной интеллигенции как части структуры современного общества.

Ж.Т. Тощенко: Тем более важно помнить, откуда возникло понятие.
И.И. Осинский (д.ф.н., зав. кафедрой Бурятского государственного университета): Существует несколько версий появления этого понятия. Одни авторы пишут о русском его происхождении, другие - о французском, третьи - о польском... Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой понятие "интеллигенция" русского происхождения, что оно, якобы, впервые было введено в оборот в 1866 г. русским писателем П.Д. Боборыкиным. Несмотря на то, что в отечественном и зарубежном интеллигентоведении были высказаны обоснованные суждения об ошибоч-

ности подобных утверждений, в научных и публицистических работах по-прежнему настойчиво повторяется эта версия. При этом не приводится каких-либо новых доказательств, придающих ей убедительность.

О более раннем, чем в России, употреблении термина "интеллигенция" в Западной Европе свидетельствуют работы К. Маркса, Ф. Энгельса. В 1842 г. в ряде статей, известных под общим названием "О сословных комиссиях в Пруссии", К. Маркс более 30 раз использует термин "интеллигенция", "интеллигентность". Нерусское происхождение данного термина подтверждает и специальное исследование этимологии этого слова, предпринятое западногерманским филологом О.В. Миллером. Версия французского происхождения рассматриваемого понятия была выдвинута французским исследователем Р. Дебре, который утверждал, что этот термин родился во французском языке. Его авторство приписывается бывшему директору газеты "Орор" Ж. Клемансо (1898 г.), опубликовавшему "Манифест интеллигенции", что не соответствует действительности. На международной научной конференции, посвященной проблемам интеллигенции (Улан-Удэ, сентябрь 1994 г.), профессор Л.Н. Коган со ссылкой на новые иностранные источники утверждал: термин "интеллигенция" появился во Франции в XVIII в., его употреблял еще Наполеон.

Изучение отечественных и зарубежных источников позволяет утверждать, что интеллигенция как социальное явление выходит за национальные рамки. Она как социальная группа является элементом социальной структуры любого цивилизованного общества.

Ж.Т. Тощенко: В заключении хотелось бы отметить, что в итоге нашей работы получена новая информация по обсуждаемой теме, определены некоторые оригинальные подходы к ее исследованию. При анализе социального статуса интеллигенции как с позиции самой интеллигенции, так и со стороны общественного мнения, выясняется, что она очень дифференцирована, в ее составе — не только те, кто сейчас формирует общественное сознание (и манипулирует им), но и большинство тех, кто озабочен прежде всего выживанием. Современная интеллигенция - это реальность, продолжающая достойные традиции предшествующих поколений, или это нечто ускользающее, свидетельствующее о тенденциях ее превращения в слой интеллектуалов? Этот кардинальный вопрос требует всестороннего исследования. Несомненно, работа по социологическому изучению гуманитарной интеллигенции, различных аспектов воспроизводства и самореализации данной социальной группы будет продолжена. Ее отражению посвящается, в частности, серия книг под общим названием "Интеллигенция и современность". Во второй выпуск этой серии включены материалы, в которых более развернуто рассматривается тема сегодняшнего "круглого стола".

Материалы подготовили О.Н. КОЗЛОВА, М.Б. БУЛАНОВА